

ЖУРНАЛИСТИКА

УДК 32.019.5;81.161.1

Балахонская Людмила Владимировна

Санкт-Петербургский государственный университет,
Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9;
l.balakhonskaya@spbu.ru

Быков Илья Анатольевич

Санкт-Петербургский государственный университет,
Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9;
i.bykov@spbu.ru

Речевая агрессия в политических блогах радиостанции «Эхо Москвы»

Для цитирования: Балахонская Л. В., Быков И. А. Речевая агрессия в политических блогах радиостанции «Эхо Москвы» // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2018. Т. 15. Вып. 3. С. 492–506. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2018.313>

Статья посвящена исследованию видов речевой агрессии в политических блогах, а также изучению влияния речевой агрессии в постах на интенсивность читательской реакции. Основной целью эмпирической части исследования стало описание видов речевой агрессии в политических блогах на интернет-сайте радиостанции «Эхо Москвы» в период активной фазы военного конфликта на востоке Украины в октябре 2014 г. Всего было проанализировано 164 поста, относящихся к этой теме, и учтено почти 40 тыс. комментариев. В результате проведенного контент-анализа был сделан вывод о значительном преобладании постов с использованием речевой агрессии (более 80%) и установлена зависимость уровня интереса к содержанию поста (по количеству ответных комментариев) от наличия речевой агрессии. Исследование показало, что бинарное противопоставление «мы — они» стало фундаментальным принципом организации анализируемых текстов, а вербальная агрессия выступает в качестве доминирующей коммуникативной стратегии. Коммуникативная стратегия речевой агрессии реализуется с помощью тактики дискредитации политических оппонентов, тактики оскорбления (в том числе по этническим признакам), тактики обвинения (в том числе в непрофессионализме), тактики унижения, тактики угрозы или предостережения, тактики негативного прогноза развития событий и др. Среди средств речевой агрессии авторы выделили две основные группы: эксплицитные, выраженные в явной, открытой форме,

и имплицитные, неявные, но опознаваемые в результате некоторых логических процедур. К эксплицитным средствам речевой агрессии в статье отнесены прежде всего лексические средства (в том числе окказионализмы), выражающие негативную оценку, стилистически сниженные лексические единицы (разговорная, просторечная лексика, жаргонизмы, инвективы). Имплицитно средства речевой агрессии проявляются в виде пресуппозиций, иронии, сарказма, языковой демагогии, метафор, несобственно-прямых вопросов и других.

Ключевые слова: речевая агрессия, дискредитация оппонентов, политический блогинг, политическая коммуникация, политический конфликт, журналистика.

Введение

В современной российской политике все более значимую роль играет политическая коммуникация в интернете [Быков 2013]. Эта тенденция сформировалась в конце 1990-х годов и особенно усилилась в последнее десятилетие. При этом следует отметить, что Интернет используется самыми разными политическими игроками. С одной стороны, представителей доминирующей в России политической партии «Единая Россия» можно отнести к лидерам в этой области [Yagodin 2012]. С другой стороны, другие политические акторы также стремятся использовать Интернет для достижения собственных политических целей [Bode, Makarychev 2013]. Накал политических дискуссий в Иинтернете зачастую приводит к значительному распространению такого явления, как речевая агрессия.

В свою очередь, демонстрация агрессивного поведения в любых видах СМИ, как правило, имеет негативные последствия для социума. Известный специалист в области социальной коммуникации Л. Берковиц приводил многочисленные свидетельства того, что «частое и массированное воздействие насилия, демонстрируемого по телевидению, не является общественным благом и даже может способствовать формированию антисоциальных моделей поведения» [Берковиц 2001: 274]. Этот же эффект имеет место и в случае с другими каналами коммуникации, прежде всего с Интернетом. Вполне очевидно, что вербальная агрессия в Интернете повышает общий уровень агрессивности в обществе, а вербальная агрессия в сетевой политической коммуникации повышает риски неконвенционального политического поведения.

Следует отметить, что политическая сфера сама по себе имеет конфликтно-генный характер, поскольку чаще всего участники политического процесса рассматривают своих политических оппонентов сквозь призму «свой — чужой» или «мы — они» [Шмитт 1992]. Как указывают отечественные исследователи, «онтологическим свойством политического дискурса является агональность. <...> Данный факт детерминирует использование словесной агрессии» [Шамне, Карякин 2011: 205]. Даже в демократических странах от политических лидеров требуется активная, атакующая и даже агрессивная риторика, иначе электорат будет считать их слабыми политиками. Это приводит к тому, что, например, в электоральных кампаниях доминирует доля негативных материалов над позитивными [Garramone et al. 1990].

Речевая агрессия: основные подходы к определению и классификации

Проблематика речевой агрессии в Интернете уже подвергалась научным исследованиям. Мы можем отметить работы В.В. Антроповой [Антропова 2015] и Т.И. Стексовой [Стеклова 2013], посвященные описанию видов и средств речевой агрессии в жанре комментария в социальных сетях, а также работы Р.А. Внебренных, Т.А. Воронцовой, И.В. Ксенофонтовой, Ф.О. Смирнова, в которых рассматривались такие специфические формы речевой агрессии в интернет-среде, как троллинг, флуд и флейминг [Внебренных 2012; Воронцова 2016; Ксенофонтова 2009; Смирнов 2004]. Однако исследований форм и средств речевой агрессии в текстах (постах) политических блогов нами обнаружено не было.

Наряду с термином «речевая агрессия» в научном дискурсе активно используются и другие терминологические сочетания, например «вербальная агрессия», «языковая агрессия», «словесная агрессия», «коммуникативная агрессия». Несмотря на некоторые отличия в значениях приведенных терминов, у них есть общий семантический компонент — ‘конфликтотенное речевое поведение субъекта (адресанта) коммуникации’, поэтому в данной статье они будут употребляться в качестве синонимичных. Речевая агрессия — это особая разновидность деструктивного поведения человека, ее цель заключается в причинении психологического вреда отдельной личности или группе людей в процессе речевой коммуникации. Проявляя речевую агрессию, субъект (адресант) демонстрирует негативное отношение к кому- или чему-либо (к собеседнику или стороннему человеку / людям, к предметам материального мира, к социальным явлениям и т. п.), резкую оппозицию в отношении чьих-либо мнений или суждений, желание доминировать над другими участниками коммуникативного акта и навязывать им свою точку зрения.

В научной литературе выделяется несколько подходов к исследованию и определению феномена речевой агрессии. Такие ученые, как Н.В. Быкова (Завьялова), К.Ф. Седов, В.И. Жельвис, рассматривают вербальную агрессию с позиции психологии — как проявление в речи негативных эмоций по отношению к кому- или чему-либо. Близкий к рассмотренному психолингвистический (лингвопсихологический) подход представлен в работах Л.С. Выготского, А.А. Леонтьева, А.Р. Лурии, в которых «описывается механизм возникновения агрессии как преобразование внешних реакций на негативные раздражители во внутренние, связанные с речемыслительной деятельностью и находящие выражение в речевых реакциях, которые, являясь сложной нервно-психической деятельностью, опираются, в свою очередь, на интеллектуальные процессы. В результате такого преобразования появляются знаки, репрезентирующие эмоции, происходит перестройка структуры высказывания и возникает эмоциональная окраска языковых единиц» [Шамне, Карякин 2011: 205–206]. При лингвоэтическом подходе (Н.Д. Голев, Б.Я. Шарифуллин, Н.В. Муравьева, Е.Ю. Булыгина, Т.И. Стеклова, И.А. Шаронов, В.И. Жельвис), включающем в себя социолингвистический, стилистический, лингвоэкологический и юрислингвистический аспекты, «основным показателем речевой агрессии выступают стилистически маркированные языковые и речевые средства (экспрессивно окрашенная лексика, инвективы, грубо-просторечные слова и т. д.), рассматриваемые с точки зрения этичности их употребления» [Воронцова 2006: 83], с точ-

ки зрения соответствия или несоответствия нормам, сложившимся в том или ином обществе.

Удачно совместить все указанные подходы в определении речевой агрессии удалось Ю. В. Щербининой, которая понимает данный феномен как «словесное выражение негативных чувств, эмоций, намерений в неприемлемой в данной речевой ситуации форме» [Щербинина 2008: 15]. В этой дефиниции проявляются психологический («негативные чувства, эмоции, намерения»), психолингвистический («словесное выражение чувств, эмоций, намерений»), социолингвистический («в данной речевой ситуации») и лингвоэкологический («неприемлемая форма выражения») аспекты речевой агрессии как сложного (многоаспектного) лингвокоммуникативного феномена.

Основа для классификации речевой агрессии была заложена в работах американского исследователя А. Басса, который предложил среди проявлений вербальной агрессии выделять дихотомические пары: активная — пассивная, прямая — не прямая. «В основе выделения активной и пассивной агрессии лежит поведенческая установка субъекта. Первый тип агрессии предполагает активное поведение субъекта, который намеренно осуществляет действие, направленное на причинение вреда объекту. Второй — предполагает пассивное поведение субъекта, намеренный отказ от каких-либо действий, которые могли бы предотвратить причинение ущерба объекту. Прямая и не прямая агрессия выделяются в зависимости от того, на кого она направлена. Объектом прямой агрессии является второй коммуникант, собеседник, непосредственно участвующий в акте коммуникации, а объектом не прямой агрессии — референт, т. е. какой-либо сторонний человек (один или несколько) или неодушевленный объект, о котором ведут речь участники коммуникативного акта» [Балахонская 2014: 93–94].

В соответствии с указанными дихотомическими парами А. Басс выделяет следующие типы вербальной агрессии: 1) активная прямая; 2) активная не прямая; 3) пассивная прямая; 4) пассивная не прямая [Buss 1961].

К активной прямой вербальной агрессии можно отнести словесное оскорбление, унижение, обвинение, порицание собеседника, выражение угроз или злопожеланий в его адрес, грубое требование. К активной не прямой — распространение клеветы о каком-либо третьем лице, не участвующем в коммуникации, донос на кого-либо, обвинение, оскорбление, призыв к совершению агрессивных действий в отношении третьего лица. К пассивной прямой — грубый демонстративный отказ разговаривать с собеседником, отвечать на его вопросы. К пассивной не прямой — отказ высказаться в защиту третьего лица, человека, незаслуженно критикуемого или обвиненного кем-то.

Ю. В. Щербинина выделяет еще несколько видов вербальной агрессии на основании следующих признаков:

- по степени интенсивности проявления: слабая (стертая, размытая) и сильная (максимальная, предельная);
- по способу выраженности: открытая (явная) и скрытая (неявная);
- по степени осознанности цели: целенаправленная (преднамеренная, инициативная, осознанная) и нецеленаправленная (оборонительная, реактивная);
- по отношению к объекту, на который направлена вербальная агрессия: переходная и непереходная (смещенная);

— по количеству участников коммуникации: массовая и социально замкнутая (групповая, межличностная) [Щербина 2008: 133–205].

Наиболее перспективным направлением исследования речевой агрессии нам представляется предложенный Т. А. Воронцовой коммуникативно-прагматический подход, который «предусматривает исследование коммуникативных взаимодействий на оси адресант речи — адресат, их зависимость от речевой ситуации и дискурсного контекста, исходной прагматической установки говорящего...» [Воронцова 2006: 84]. Данный подход базируется на необходимости выявления коммуникативно-прагматических функций речевой агрессии, поскольку важно не только то, как сказано, но и для чего. Коммуникативно-прагматический подход весьма плодотворен для исследования речевой агрессии в политическом дискурсе, так как позволяет определить коммуникативные намерения политических субъектов.

Методы исследования

В начале нашего эмпирического исследования, учитывая высокий накал политических дискуссий в обществе и неустоявшуюся практику судебных решений в этой области, мы предполагали, что в политических блогах должны иметь место посты с элементами речевой агрессии и что их доля должна быть значительной. Также было выдвинуто предположение, что посты с элементами речевой агрессии должны вызвать более сильную реакцию со стороны читателей. Это может выражаться в том, что среднее количество комментариев в постах с элементами речевой агрессии должно превышать среднее количество комментариев в постах с корректной подачей информации.

Таким образом, цели эмпирического исследования сводились к следующему:

- 1) выявить основные коммуникативные стратегии, тактики и средства речевой агрессии, реализуемые в политических блогах радиостанции «Эхо Москвы» при обсуждении политической ситуации на Украине;
- 2) определить в политических блогах долю постов с использованием речевой агрессии и провести анализ зависимости уровня интереса к информационным материалам (по количеству комментариев) от наличия речевой агрессии.

Для достижения поставленных целей в качестве эмпирической базы мы выбрали политические блоги на интернет-сайте радиостанции «Эхо Москвы» [Эхо Москвы 2014]. При выборе эмпирической базы исследования мы руководствовались следующими соображениями. Во-первых, радиостанция «Эхо Москвы» является одним из самых популярных коммерческих СМИ в России, при этом интернет-сайт «Эхо Москвы» является самостоятельным, официально зарегистрированным СМИ и обладает высокой посещаемостью. Во-вторых, руководство радиостанции «Эхо Москвы» позиционирует ее в качестве дискуссионной площадки, на которой осуществляется обмен различными мнениями по широкому спектру общественно-политической тематики. Редакционная политика этих СМИ предполагает разнообразие политических позиций в эфире и на интернет-сайте. В-третьих, «Эхо Москвы» сегодня фактически является гибридным СМИ, которое не только вещает

в FM-диапазоне, но и размещает аудио- и видеоконтент на сайте, а также имеет специальный раздел для блогеров. Раздел «Блоги» содержит большое количество материалов, которые не присутствуют в основной сетке вещания. Посты в этом разделе либо пишутся самими авторами, либо являются перепечатками постов из других источников. Редакция интернет-сайта заботится о поддержании разнообразия политических позиций. К примеру, на сайте в разделе «Блоги» регулярно появляются посты известной интернет-активистки Кристины Потупчик, а также других авторов, которых нельзя отнести к числу представителей либерального фланга политического спектра.

Основными методами исследования стали, с одной стороны, традиционный лингвистический анализ текста на всех языковых уровнях, ограниченный преимущественно рамками коммуникативно-прагматического подхода, применяемый нами при описании видов и средств речевой агрессии; с другой стороны, количественный контент-анализ, используемый для определения степени влияния речевой агрессии в блогах на коммуникативную активность пользователей. Единицей счета при контент-анализе выступили посты в блогах радиостанции «Эхо Москвы» за октябрь 2014 г., в которых затрагивалась тема событий на Украине, в Крыму и Донбассе. В результате были отобраны и проанализированы 164 поста, которые оценивались по простому параметру наличия или отсутствия речевой агрессии в них (в заголовках и в тексте). Далее проводился статистический подсчет комментариев к данным постам, в результате было учтено почти 40 тыс. ответных реакций (сами комментарии на этом этапе не анализировались).

Агрессивность как доминирующая коммуникативная стратегия в блог-постах радиостанции «Эхо Москвы»

Анализ эмпирического материала, представленного в блог-постах радиостанции «Эхо Москвы» при обсуждении политической ситуации на Украине, продемонстрировал высокий уровень речевой агрессии, который, вероятно, был спровоцирован конфликтом интересов враждующих сторон. В качестве конфликтующих в анализируемых постах представлены, во-первых, официальные киевские власти, провозглашающие Украину как самостоятельное неделимое государство, — с одной стороны, и представители непризнанных Донецкой и Луганской народных республик (ДНР и ЛНР), объявившие об особом статусе своих территорий из-за невозможности общения на родном для большинства жителей русском языке, — с другой. Во-вторых, к сторонам конфликта в постах относятся также российские и украинские граждане (блогеры), поддерживающие или не поддерживающие официальную политику России или Украины, демонстрирующие пророссийские или проукраинские настроения и взгляды. Причем и среди российских, и среди украинских граждан-блогеров немало тех, кто высказывает оппозиционные мнения. Как отметила Е. И. Горошко, «блогеры могут выбирать для обсуждения и те новости, которые не публикуются традиционными СМИ, и освещают те истории, которые традиционные СМИ предпочитают обходить молчанием, руководствуясь иными критериями значимости» [Горошко 2009: 340].

В большинстве исследованных постов, затрагивающих тему нестабильности политической ситуации на Украине, доминирующей коммуникативной стратегией

является стратегия агрессивности. Под коммуникативной стратегией будем понимать совокупность речевых действий, заранее спланированных субъектом (адресантом) для достижения определенных коммуникативных целей. Коммуникативная стратегия реализуется посредством использования различных тактик, приемов и средств в процессе коммуникации. Лингвистический анализ текстов указанных блогов показал, что основной тактикой реализации стратегии агрессивности в них является тактика дискредитации политических оппонентов. Под дискредитацией обычно понимается один из приемов недобросовестной конкуренции, заключающийся в совершении преднамеренных действий, целью которых является подрыв доверия к конкуренту (оппоненту), умаление его авторитета и разрушение имиджа. Стремление субъекта политической коммуникации дискредитировать оппонента может воплощаться в намеренном преувеличении каких-либо его недостатков, в негативных характеристиках его профессиональных компетенций, в неприятии совершенных или планируемых действий, в критике высказанных мнений и суждений, в оскорблениях, обвинениях и т. п.

Например, пост киевского журналиста Юрия Шеляженко от 27 октября 2014 г. под названием «Много обещающая коалиция» содержит приемы и средства речевой агрессии, реализующие тактику дискредитации политического лидера Украины — президента Порошенко и его ближайшего окружения. Дискредитация заложена уже в заголовке поста: написание слова *многообещающая* не слитно, а раздельно, в два слова (*много обещающая*), полностью меняет смысл высказывания. Слово *многообещающий* имеет в языке два значения: 1) 'имеющий много ценных задатков и поэтому подающий большие надежды'; 2) 'закрывающий в себе намек на что-л., обещание чего-л.' [Словарь русского языка 1983: 282], первое из которых обладает позитивной эмоционально-оценочной окраской, а второе выражает нейтральную оценку. При раздельном же написании словосочетание *много обещающая коалиция* приобретает негативный смысл на основе пресуппозиции — логических предпосылок высказывания, которые адресат, воспринимающий сообщение, восстанавливает в соответствии с законами логического мышления. Пресуппозиция в данном случае: «много обещающая, но ничего не делающая, не выполняющая обещаний» коалиция. При раздельном написании данное понятие утрачивает значение признаковости и приобретает значение признака предмета по действию, которое он производит, т. е. воспринимается не как прилагательное, а как причастие, обладающее пресуппозиционной негативной оценочностью.

Тактика дискредитации президента Порошенко и его коалиции реализуется в данном тексте совместно с другими тактиками, такими как обвинение, унижение и негативный прогноз. Проанализируем указанные тактики.

«Уже сейчас очевиден имитационный характер квази-реформаторской программы Порошенко „Стратегия 2020“, разрекламированные цели которой не подкреплены никакими планами мероприятий по реализации этих целей» [Шеляженко 2014].

В приведенном фрагменте тактика дискредитации базируется на тактике обвинения в непрофессионализме, в неумении воплотить заявленные в программе «Стратегия 2020» цели и реализуется с помощью субстантивно-адъективных словосочетаний с негативными оценочными коннотациями: *имитационный характер, квази-реформаторская программа, разрекламированные цели*, а также с помо-

щью предикативной единицы, выражающей семантику отрицания: *разрекламированные цели не подкреплены никакими планами*.

«Порошенко продолжает уверенно копировать Путина в выстраивании своего авторитаризма, давая несбыточные обещания (например, удвоить ВВП до 2020 года) и умело спекулируя на страхах украинского и европейского общества. <...> Доминирующий альянс олигархов успешно отжимает активы у групп Фирташа, Курташа и Ахметова» [Шеляженко 2014].

Дискредитация украинского президента и его окружения в данном фрагменте осуществляется с помощью тактик обвинения и унижения. Автор обвиняет Порошенко в выстраивании авторитаризма, в несбыточных обещаниях, в спекуляции на страхах общества. В некоторых случаях тактика обвинения сопряжена с тактикой унижения, реализуемой, например, с помощью лексем *копировать* и *отжимать*. В первом случае обвинение в копировании чужой стратегии и, следовательно, в неумении разработать свою собственную призвано оскорбить достоинство оппонента, поставить его в унижительное положение, разрушить имидж. Во втором случае, употребив жаргонное слово *отжимать*, автор дает негативную характеристику действиям коалиции Порошенко и имплицитно, на ассоциативном уровне, сравнивает «доминирующий альянс олигархов» с представителями криминального мира, с уголовниками, что, безусловно, выглядит оскорбительным.

«Судя по однообразию ура-патриотической риторики победителей на выборах, украинский парламент уже никогда не будет местом для дискуссий (он перестал служить площадкой для общественного диалога еще при Януковиче) и исправно проштампует любые законы, согласованные в Администрации Президента Украины. <...> Тон зададут многочисленные „комбаты“ и „сотники“. Они же будут затыкать рот немногим возмутителям спокойствия вроде Ляшко или самовыдвиженцев <...>. Эти ребята вместе с комбатами помогут президенту Порошенко глушить любую самодетельность парламентариев» [Шеляженко 2014].

Дискредитация политического оппонента в данном фрагменте осуществляется прежде всего с помощью тактики негативного прогноза развития событий. В отличие от предыдущих примеров, в которых глаголы употреблялись в форме настоящего или прошедшего времени, в последнем примере почти все глаголы приведены в форме будущего времени, что вполне естественно для жанра (и тактики) прогноза. Однако прогноз развития событий при президенте Порошенко автор рисует исключительно черными красками, используя с этой целью отрицательные синтаксические конструкции (*украинский парламент уже никогда не будет местом для дискуссий*), слова и фразеологизмы с негативной оценочностью. Тактика негативного прогноза событий часто сопряжена с тактикой предостережения: давая негативный прогноз будущих событий, автор тем самым как бы предостерегает оппонентов от негативных действий в настоящем.

В анализируемом посте Ю. Шеляженко средствами и приемами речевой агрессии в целом и тактики дискредитации в частности выступают слова и словосочетания с негативной семантикой (*страх, авторитаризм, аморальность, шантаж, подкуп, несбыточные обещания, силовые и хулиганские акции запугивания, коррупционные вольности*), стилистически сниженные фразеологизмы (*подмять под себя*

власть, козел отпущения, темная лошадка, затыкать рот, проштамповать законы), жаргонная лексика из уголовной сферы (*отжимает активы, слив компромата*), навешивание ярлыков (*ура-патриотическая риторика*), метафоры с негативной образностью (*глушит самодеятельность, шантажом и подкупом цементируются крепостные стены единоличной власти главы государства*).

Нередко завуалированной (имплицитной) целью дискредитации политических оппонентов является не столько подрыв доверия и разрушение их имиджа, сколько самопрезентация субъекта (адресанта) коммуникативного акта. Такая тактика самопрезентации на фоне дискредитации оппонента используется для того, чтобы более наглядно продемонстрировать собственные преимущества на фоне недостатков конкурентов. Тактика дискредитации оппонентов, в том числе особая ее разновидность — тактика дискредитации-самопрезентации, проявляется прежде всего в бинарной оппозиции «мы — они» («свой — чужой»), которая воплощается с помощью одного из основополагающих принципов организации политического текста — принципа контраста, заключающегося не только в противопоставлении разных взглядов и мнений в отношении конфликтующих политических субъектов, но и в противоположной оценке одного и того же явления, события или ситуации. Как справедливо заметил Т. ван Дейк, особенностью бинарных оппозиций в условиях речевого конфликта является «поляризованная репрезентативность», т. е. наделение *Мы*-группы и *Они*-группы прямо противоположными признаками. Элементарным примером такой оппозиционности выступает дихотомия «Мы хорошие — Они плохие» [Dijk 1997: 3]. Подобный прием Е. В. Сергеева называет «созданием дихотомической картины мира» и относит к приемам, воплощающим манипулятивную тактику демагогии [Сергеева 2012: 52].

Примером использования тактики дискредитации-самопрезентации на основе «создания дихотомической картины мира» может служить пост Юрия Шулипы от 6 октября 2014 г. под названием «Законодательство Украины „О гражданстве“ должно быть пересмотрено»:

«Россия медленно и уверенно движется к полной политической, правовой, социальной изоляции от всего цивилизованного мира. Одновременно с этим после победы революции достоинства Украина совершает переход от колониальной страны с внешним российским управлением к независимому, сильному, цивилизованному европейскому государству. <...> Люди стремятся жить в нормальной, стабильной, правовой и цивилизованной стране, лишенной амбиций фашизма, пожизненного диктата и запредельной коррупции. <...> В то же время в Украине пока еще сохраняется влияние пятой путинской колонны, куда входят национал-предатели, так называемые ватники и колорады, — сторонники распада Украины на всякие фейковые непризнанные республики под внешним управлением России и противники всего украинского. Сейчас именно пятая колонна несет в себе наибольшую угрозу всему украинскому обществу и государству» [Шулипа 2014].

В анализируемом тексте четко противопоставлены «Мы» (Украина) и «Они» (Россия). Противоборствующие стороны показаны в динамике: Россия, по мнению автора поста, движется к полной изоляции (эмоциональная оценочность меняется с позитивной на негативную), Украина, наоборот, переходит от колониальной страны к цивилизованному европейскому государству (негативная эмоциональ-

ная оценка меняется на позитивную). Тактика дискредитации реализуется в тексте с помощью активной не прямой речевой агрессии, выраженной в отношении референта высказывания — политического оппонента такими языковыми средствами и приемами, как лексика с негативной семантикой (*диктат, фашизм, коррупция, изоляция, национал-предатели, угроза*), стилистически сниженная, разговорная и просторечная лексика с негативными коннотативными оттенками в переносных значениях (*ватники и колорады, фейковые республики*), наклеивание ярлыков (*пятая путинская колонна*). На фоне средств речевой агрессии, характеризующих негативное отношение к оппоненту, контрастно выделяется позитивно окрашенная лексика, используемая как средство самопрезентации (*независимое, сильное, цивилизованное европейское государство, нормальная, стабильная, правовая и цивилизованная страна*).

Приведенный пример наглядно демонстрирует, что речевая агрессия в политическом дискурсе нередко становится средством речевого воздействия и манипулирования, так как нацелена в первую очередь на установление доминирующей позиции адресанта в коммуникативном акте и на внедрение его собственных идеологических представлений (идей, образов, смыслов, ценностей) в сознание адресата. «Основанием для трактовки вербальной агрессии как способа речевого воздействия является тот факт, что в основе речевой агрессии, с точки зрения прагматики, лежит однонаправленное эмоциональное негативизирующее речевое воздействие на адресата (суггестия). При использовании речевой агрессии отправитель высказывания делает ставку на эмоциональное воздействие» [Шамне, Карякин 2011: 206].

Еще одной тактикой реализации стратегии агрессивности можно считать такое присущее интернет-коммуникации явление, как троллинг. Как правило, троллинг проявляется в комментариях пользователей к сообщениям в соцсетях или блогах, но возможен и в постах. Троллинг — это форма реализации речевой агрессии, «речевая провокация с целью эскалации коммуникативного конфликта» [Воронцова 2016: 112]. Особенностью троллинга является агрессивное опровержение (в явной или скрытой форме) общепринятого мнения, резкое расхождение с оценкой большинства. Подобное провокационное речевое поведение адресанта (тролля) вызывает негативную эмоциональную реакцию адресата. В качестве примера приведем фрагменты поста А. Зеличенко от 1 октября 2014 г. под названием «С кем воюет Россия?». Начинается пост сразу с опровержения предполагаемого ответа на поставленный в заголовке вопрос:

«Вы думаете с Украиной? Ни в коем случае. На Украине — да, конечно, мы воюем. Мы же не идиоты — верить телевизору. Конечно, воюем. Только не с Украиной. Мы ЗА Украину воюем.

С США. США на нас напали. Хотят нас завоевать. А в качестве первого шага — забрать Украину. <...> Да, воюем. Потому что США на нас напали, и мы теперь освобождаем от них нашу украинскую землю.

Это не мы агрессор. Это США агрессор, а у нас просто вскипела ярость благородная. <...> США сначала заставили украинцев избрать Януковича, а после этого заставили Януковича узурпировать власть. Вынудили Януковича посадить Тимошенко. С пистолетом у виска потребовали, чтобы Янукович отказался подписывать соглашение с ЕС. <...> Потом, угрожая засунуть в Януковича бутылку, потребовали, что-

бы Янукович разогнал Майдан. И, наконец, прислали своих морпехов расстреливать Майдан. Американцы — они такие. Они все могут. Доведут сначала Украину до края, разозлят народ, а потом бац — и на тебе переворотик. Сущие звери эти американцы. Ну, ничего, мы их насквозь видим. У нас они со своим Шендеровичем ничего сделать не смогут. Потому что мы не украинцы. Мы своего президента свергать не будем. Мы его любим. Потому что он хороший.

Смешно? Было бы смешно, когда бы...» [Зеличенко 2014].

Весь текст построен на иронии, доведенной до абсурда, на сарказме и прямой насмешке, на провокационных утверждениях о том, что Россия воюет с США за Украину, «за нашу украинскую землю», потому что «США на нас напали». Разумеется, подобные провокационные высказывания вызовут ответную агрессивную реакцию у читателей. Едкий сарказм автора поста может спровоцировать язвительные комментарии пользователей сети. Троллинг в данном случае базируется не только на иронии, сарказме и провокационных утверждениях, но и на языковой демагогии, проявляющейся в навязывании адресату определенной точки зрения с помощью ложных рассуждений, основанных на логических несоответствиях.

Выводы

В проанализированных политических блогах радиостанции «Эхо Москвы» используется преимущественно активная непрякая речевая агрессия, предполагающая активное поведение субъекта (адресанта), который намеренно осуществляет действие, направленное на причинение вреда не прямому коммуниканту (адресату, читателю блога), а референту — человеку (группе людей) или неодушевленному объекту, о которых идет речь в тексте. При этом степень проявления агрессии может быть разной — сильной, выраженной чаще всего с помощью грубой, стилистически сниженной и экспрессивно окрашенной лексики и фразеологии, в том числе инвективной, находящейся за пределами литературной нормы; и слабой, выраженной средствами литературного языка, обычно характеризующимися негативной оценочностью.

Агрессивность как доминирующая стратегия в политических блогах «Эха Москвы», в которых обсуждалась сложная ситуация на Украине, реализована с помощью таких коммуникативных тактик, как дискредитация политических оппонентов, самопрезентация на фоне дискредитации оппонентов, оскорбление (в том числе по этническим признакам), обвинение (в том числе в непрофессионализме), унижение, угроза или предостережение, негативный прогноз развития событий, безаргументативное негативизирующее воздействие на сознание адресата (манипулирование), троллинг.

Среди средств речевой агрессии нами были выделены две основные группы: эксплицитные, выраженные в явной, открытой форме, и имплицитные, неявные, но опознаваемые адресатом в результате некоторых логических процедур. К эксплицитным средствам речевой агрессии мы относим прежде всего лексические средства (в том числе окказионализмы), выражающие негативную оценку, стилистически сниженные лексические и фразеологические единицы (разговорную, грубо-просторечную лексику, разговорные фразеологизмы, жаргонизмы, инвективы). Имплицитно средства речевой агрессии проявляются в виде пресуппозиций,

иронии, сарказма, языковой демагогии, метафор, несобственно-прямых вопросов и др.

Контент-анализ эмпирического материала показал, что речевая агрессия получила широкое распространение в блогах радиостанции «Эхо Москвы», затрагивающих тему политической нестабильности на Украине. Оказалось, что всего 17,07 % постов не содержат речевой агрессии. В остальных 82,93 % постов речевая агрессия присутствует либо в тексте, либо в заголовке, либо в тексте в его целостности. При подсчете количества комментариев к постам, в которых воплощалась или не воплощалась коммуникативная стратегия агрессивности, была обнаружена зависимость уровня интереса читателей к тексту (по количеству ответных реакций) от наличия или отсутствия речевой агрессии: в среднем пост без речевой агрессии получал почти на 100 комментариев меньше (156 комментариев в среднем), чем пост с речевой агрессией (256,12 комментариев в среднем).

Источники

- Зеличенко 2014 — Зеличенко А. “С кем воюет Россия?”. *Эхо Москвы: Блоги*. Дата публикации: 01.10.2014. URL: https://echo.msk.ru/blog/russkiysvet_dot_narod_dot_ru/1410300-echo/ (дата обращения: 03.02.2015).
- Шулипа 2014 — Шулипа Ю. “Законодательство Украины «О гражданстве» должно быть пересмотрено”. *Эхо Москвы: Блоги*. Дата публикации: 06.10.2014. URL: <https://echo.msk.ru/blog/yshulipa/1413404-echo/> (дата обращения: 03.02.2015).
- Шеляженко 2014 — Шеляженко Ю. “Много обещающая коалиция”. *Эхо Москвы: Блоги*. Дата публикации: 27.10.2014. URL: <https://echo.msk.ru/blog/shelya/1426386-echo/> (дата обращения: 03.02.2015).
- Эхо Москвы 2014 — *Эхо Москвы: Блоги*. Дата публикации: 1–31.10.2014. URL: <https://echo.msk.ru/blog/> (дата обращения: 03.02.2015).

Словари и справочники

- Словарь русского языка 1983 — *Словарь русского языка*: в 4 т. Евгеньева А. П. (ред.). Т. 2. М.: Русский язык, 1983, 736 с.

Литература

- Антропова 2015 — Антропова В. В. “Речевая агрессия в текстах социальных сетей: коммуникативный аспект”. *Вестник Воронежского гос. ун-та. Серия «Филология. Журналистика»*. 3, 2015: 123–127.
- Балахонская 2014 — Балахонская Л. В. “Типы агрессии в рекламной коммуникации: социально-философский аспект”. *Геополитика и безопасность*. 2 (26), 2014: 91–97.
- Берковиц 2001 — Берковиц Л. *Агрессия: причины, следствия и контроль*. СПб.: Прайм-Еврознак, 2001, 512 с.
- Быков 2013 — Быков И. А. *Сетевая политическая коммуникация: теория, практика и методы исследования*. СПб.: Санкт-Петербургский гос. ун-т технологии и дизайна, 2013, 200 с.
- Внебрачных 2012 — Внебрачных Р. А. “Троллинг как форма социальной агрессии в виртуальных сообществах”. *Вестник Удмуртского ун-та. Серия «Философия. Социология. Психология. Педагогика»*. 1, 2012: 48–51.
- Воронцова 2006 — Воронцова Т. А. “Речевая агрессия в коммуникативно-дискурсивной парадигме”. *Вестник Воронежского гос. ун-та. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация»*. 1, 2006: 83–86.
- Воронцова 2016 — Воронцова Т. А. “Троллинг и флейминг: Речевая агрессия в интернет-коммуникации”. *Вестник Удмуртского ун-та. Серия «История и филология»*. 26, 2, 2016: 109–116.

- Горошко 2009 — Горошко Е. И. “Политический блоггинг в глобальной и локальной перспективах”. *Вісник Одеського нац. ун-ту. Серія «Соціологія і політичні науки»*. 14, 13, 2009: 335–345.
- Ксенофонтова 2009 — Ксенофонтова И. В. “Специфика коммуникации в условиях анонимности: мемы, имиджборды, троллинг”. *Интернет и фольклор: сб. статей*. Каргин А. С. (ред.). М.: Гос. республиканский центр русского фольклора, 2009, сс. 285–294.
- Сергеева 2012 — Сергеева Е. В. “К вопросу о некоторых манипулятивных приемах в текстах предвыборной агитации (на материале кампании 2011 г.)”. *Политическая лингвистика*. 2 (40), 2012: 46–52.
- Смирнов 2004 — Смирнов Ф. О. “Языковая и коммуникативная агрессия в Рунете”. *Риторика в модернизации образования: материалы докладов Восьмой междунар. науч. конф. по риторике (Москва, 2–4 февраля 2004 г.)*. М.: Московский пед. гос. ун-т, 2004, сс. 219–221.
- Стексова 2013 — Стексова Т. И. “Речевая агрессия в интернет-комментариях как проявление социальной напряженности”. *Политическая лингвистика*. 3 (45), 2013: 77–81.
- Шамне, Карякин 2011 — Шамне Н. Л., Карякин А. В. “Речевая агрессия как нарушение экологичности политического дискурса”. *Вестник Волгоградского гос. ун-та: Серия 2: Языкознание*. 1 (13), 2011: 204–208.
- Шмитт 1992 — Шмитт К. “Понятие политического”. *Вопросы социологии*. 1, 1992: 35–67.
- Щербинина 2008 — Щербинина Ю. В. *Речевая агрессия: территория вражды*. М.: Форум, 2008, 360 с.
- Bode, Makarychev 2013 — Bode N., Makarychev A. “The New Social Media in Russia: Political Blogging by the Government and the Opposition”. *Problems of Post-Communism*. 60, 2: 2013: 53–62.
- Buss 1961 — Buss A. H. *The Psychology of Aggression*. New York; London: John Wiley & Sons, 1961, 307 p.
- Dijk 1997 — Dijk T. A. van. “Discourse as Interaction in Society”. *Discourse Studies: A Multidisciplinary Introduction*: in 2 vols. Vol. 2: Discourse as Social Interaction. Dijk T. A. van (ed.). London: Sage, 1997, pp. 1–37.
- Garramone et al. 1990 — Garramone G. M., Atkin C. K., Pinkleton B. E. et al. “Effects of Negative Political Advertising on the Political Process”. *Journal of Broadcasting and Electronic Media*. 34, 3, 1990: 299–311.
- Yagodin 2012 — Yagodin D. “Blog Medvedev: Aiming for Public Consent”. *Europe-Asia Studies*. 64, 8, 2012: 1415–1434.

Статья поступила в редакцию 10 мая 2017 г.

Статья рекомендована в печать 28 сентября 2017 г.

Balakhonskaya Liudmila Vladimirovna

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russia;
l.balakhonskaya@spbu.ru

Bykov Il'ia Anatolevich

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russia;
i.bykov@spbu.ru

Verbal aggression in political blogs: A case of the “Echo of Moscow”

For citation: Balakhonskaya L. V., Bykov I. A. Verbal aggression in political blogs: A case of the “Echo of Moscow”. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*, 2018, vol. 15, issue 3, pp. 492–506. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2018.313> (In Russian)

Extensive research has been done on verbal aggression and its effects in mass media, public opinion and public policy. Growing verbal aggression in mass media usually corresponds with deepening political confrontation. However, there is a lack of such studies in the context of the Russian mass media, especially assessing verbal aggression in on-line media with quan-

titative or qualitative content-analysis. This study addresses this gap in research literature. The authors have collected data of 164 posts and almost 40 000 comments from the “Echo of Moscow” web-site in October, 2014 on the topic of the armed conflict in Eastern Ukraine. This conflict was reflected in the posts by binary opposition “we” versus “they” and was realized within a fundamental principle of journalistic texts composition — the principle of contrast. The principle includes both the opposition of different views and the opposite assessment of the same fact. Verbal aggressiveness is a dominant communication strategy in the blogs’ posts. Verbal aggression usually includes insulting rhetorics, discreditation of opponents, prosecuting, blaming, threatening, negative forecasting, etc. There are two types of verbal aggression expressions: implicit and explicit. The content analysis carried out by the authors revealed that more than 80 % of posts contains verbal aggression.

Keywords: verbal aggression, opponent discrediting, political blogging, political communication, political conflict, journalism.

Sources

- Зеличенко 2014 — Zelichenko A. “S kem voiuet Rossiia? [With Whom Russia Wars]”. *Ekho Moskvy: Blogi* [Echo of Moscow: Blogs]. Publication date: 01.10.2014. URL: https://echo.msk.ru/blog/ruskiysvet_dot_narod_dot_ru/1410300-echo/ (accessed date: 03.02.2015). (In Russian)
- Шулипа 2014 — Shulipa Iu. “Zakonodatel'stvo Ukrainy «O grazhdanstve» dolzhno byt' peresmotreno [Legislation of Ukraine “On Citizenship” Should Be Revised]”. *Ekho Moskvy: Blogi* [Echo of Moscow: Blogs]. Publication date: 06.10.2014. URL: <https://echo.msk.ru/blog/yshulipa/1413404-echo/> (accessed date: 03.02.2015). (In Russian)
- Шеляженко 2014 — Shelazhenko Iu. “Mnogo obeshchaiushchaia koalitsiia [(Much)promising Coalition]”. *Ekho Moskvy: Blogi* [Echo of Moscow: Blogs]. Publication date: 27.10.2014. URL: <https://echo.msk.ru/blog/shelya/1426386-echo/> (accessed date: 03.02.2015). (In Russian)
- Эхо Москвы 2014 — *Ekho Moskvy: Blogi* [Echo of Moscow: Blogs]. Publication date: 1–31.10.2014. URL: <https://echo.msk.ru/blog/> (accessed date: 03.02.2015). (In Russian)

Dictionaries and guides

- Словарь русского языка 1983 — *Slovar' russkogo iazyka* [Russian Dictionary]: in 4 vols. Evgen'eva A. P. (ed.). Vol. 2. Moscow: Russkii iazyk Publ., 1983, 736 p. (In Russian)

References

- Антропова 2015 — Antropova V. V. “Rechevaia agressiia v tekstakh sotsial'nykh setei: kommunikativnyi aspekt [Speech Aggression in Texts of Social Networks: Communicative Aspect]”. *Vestnik Voronezhskogo gos. un-ta. Serii «Filologiya. Zhurnalistika»* [Bulletin of Voronezh State University. Series “Philology. Journalism”]. 3, 2015: 123–127. (In Russian)
- Балахонская 2014 — Balakhonskaya L. V. “Tipy agressii v reklamnoi kommunikatsii: sotsial'no-filosofskii aspekt [Types of Aggression in Advertising Communications: Socio-philosophical Aspects]”. *Geopolitika i bezopasnost'* [Geopolitics and Security]. 2 (26), 2014: 91–97. (In Russian)
- Берковиц 2001 — Berkowitz L. *Agressiia: prichiny, sledstviia i kontrol'* [Aggression: Its Causes, Consequences, and Control]. St. Petersburg: Praim-Evroznak Publ., 2001, 512 p. (In Russian)
- Быков 2013 — Bykov I. A. *Setevaia politicheskaia kommunikatsiia: teoriia, praktika i metody issledovaniia* [Network Political Communication: Theory, Practice and Methods of Research]. St. Petersburg: St. Petersburg State University of Technology and Design Press, 2013, 200 p. (In Russian)
- Внебрачных 2012 — Vnebrachnykh R. A. “Trolling kak forma sotsial'noi agressii v virtual'nykh soobshchestvakh [Trolling as a Form of Social Aggression in the Virtual Community]”. *Vestnik Udmurtskogo un-ta. Serii «Filosofiya. Sotsiologiya. Psikhologiya. Pedagogika»* [Bulletin of Udmurt University. Series “Philosophy. Sociology. Psychology. Pedagogy”]. 1, 2012: 48–51. (In Russian)

- Воронцова 2006 — Vorontsova T. A. “Rechevaia agressiia v kommunikativno-diskursivnoi paradigme [Verbal Aggression in a Communicative Paradigm]”. *Vestnik Voronezhskogo gos. un-ta. Seriiia «Lingvistika i mezhkul'turnaia kommunikatsiia»* [Bulletin of Voronezh State University. Series “Linguistics and Intercultural Communication”]. 1, 2006: 83–86. (In Russian)
- Воронцова 2016 — Vorontsova T. A. “Trolling i fleiming: rechevaia agressiia v internet-kommunikatsii [Trolling and Flaming: Speech Aggression in the Internet Communication]”. *Vestnik Udmurtskogo un-ta. Seriiia «Istoriia i filologiiia»* [Bulletin of Udmurt University. Series “History and Philology”]. 26, 2, 2016: 109–116.
- Горощко 2009 — Goroshko E. I. “Politicheskii blogging v global'noi i lokal'noi perspektivakh [Political Blogging Locally and Globally]”. *Visnik Odes'kogo nats. un-tu. Seriiia «Sotsiologiiia i politichni nauki»* [Bulletin of Odesa National University. Series “Sociology and Politics”]. 14, 13, 2009: 335–345. (In Russian)
- Ксенофонтова 2009 — Ksenofontova I. V. “Spetsifika kommunikatsii v usloviiahk anonimnosti: memetika, imidzhbordy, trolling [Specificity of Communication in the Conditions of Anonymity: Memetics, Image Boards, Trolling]”. *Internet i fol'klor: sb. statei* [Internet and Folklore: Collected Articles]. Kargin A. S. (ed.). Moscow: State Republican Center of Russian Folklore Publ., 2009, pp. 285–294. (In Russian)
- Сергеева 2012 — Sergeeva E. V. “K voprosu o nekotorykh manipuliativnykh priemakh v tekstakh predvybornoi agitatsii (na materiale kampanii 2011 g.) [Some Manipulative Methods in the Texts of Pre-election Propaganda (Election Campaign-2011)]”. *Politicheskaiia lingvistika* [Political Linguistics]. 2 (40), 2012: 46–52. (In Russian)
- Смирнов 2004 — Smirnov F. O. “Iazykovaia i kommunikativnaia agressiia v Runete [Language and Communicative Aggression in RuNet]”. *Ritorika v modernizatsii obrazovaniia: materialy dokladov Vos'moi mezhdunar. nauch. konf. po ritorike (Moskva, 2–4 fevralia 2004 g.)* [Rhetoric in the Modernization of Education: Proceedings of the 8th International Scientific Conference on Rhetoric (Moscow, February 2–4, 2004)]. Moscow: Moscow Pedagogical State University Press, 2004, pp. 219–221. (In Russian)
- Стеклова 2013 — Steksova T. I. “Rechevaia agressiia v internet-komentariiakh kak proiavlenie sotsial'noi napriazhennosti [Verbal Aggression in Internet Comments as Manifestation of Social Tension]”. *Politicheskaiia lingvistika* [Political Linguistics]. 3 (45), 2013: 77–81. (In Russian)
- Шамне, Карякин 2011 — Shamne N. L., Kariakin A. V. “Rechevaia agressiia kak narushenie ekologichnosti politicheskogo diskursa [Verbal Aggression as Violation of Ecologicity in the Political Discourse]”. *Vestnik Volgogradskogo gos. un-ta. Seriiia 2: Iazykoznanie* [Bulletin of Volgograd State University. Series 2: Linguistics]. 1 (13), 2011: 204–208. (In Russian)
- Шмитт 1992 — Schmitt C. *Der Begriff des Politischen*. München: Duncker & Humblot, 1932, 40 S. (Russ. ed.: Shchmitt K. “Poniatie politicheskogo [The Concept of the Political]”. *Voprosy sotsiologii* [Issues of Sociology]. 1, 1992: 35–67. (In Russian, transl. from German)
- Щербинина 2008 — Shcherbinina Iu. V. *Rechevaia agressiia: territoriiia vrazhdy* [Speech Aggression: the Territory of Enmity]. Moscow: Forum Publ., 2008, 360 p. (In Russian)
- Bode, Makarychev 2013 — Bode N., Makarychev A. “The New Social Media in Russia: Political Blogging by the Government and the Opposition”. *Problems of Post-Communism*. 60, 2, 2013: 53–62.
- Buss 1961 — Buss A. H. *The Psychology of Aggression*. New York; London: John Wiley & Sons, 1961. 307 p.
- Dijk 1997 — Dijk T. A. van. “Discourse as Interaction in Society”. *Discourse Studies: A Multidisciplinary Introduction*: in 2 vols. Vol. 2: Discourse as Social Interaction. Dijk T. A. van (ed.). London: Sage, 1997, pp. 1–37.
- Garramone et al. 1990 — Garramone G. M., Atkin C. K., Pinkleton B. E. et al. “Effects of Negative Political Advertising on the Political Process”. *Journal of Broadcasting and Electronic Media*. 34, 3, 1990: 299–311.
- Yagodin 2012 — Yagodin D. “Blog Medvedev: Aiming for Public Consent”. *Europe-Asia Studies*. 64, 8, 2012: 1415–1434.

Received: May 10, 2017

Accepted: September 28, 2017